

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д.В.Батарагина

город Санкт-Петербург

8 ноября 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Д.В.Батарагина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П.Маврина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с Федеральным законом от 12 июля 1999 года № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в полном размере ущерба в случае, когда ущерб причинен действиями (бездействием) военнослужащего, содержащими признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (абзац третий статьи 5); возмещение ущерба производится независимо от привлечения военнослужащего к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действия (бездействие), которыми причинен ущерб (пункт 5 статьи 8).

1.1. Постановлением следователя уголовное дело в отношении заявителя по настоящему делу – бывшего командира войсковой части 52361 полковника Д.В.Батарагина и бывшего техника отдела эксплуатации специальных систем той же войсковой части старшего лейтенанта К.А.Ходулина, подозревавшихся в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 293 «Халатность» УК Российской Федерации, было прекращено с их согласия на основании пункта 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации – в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. В ходе предварительного следствия было установлено, что в результате небрежного отношения Д.В.Батарагина и К.А.Ходулина к службе государству в лице Министерства обороны

Российской Федерации причинен материальный ущерб в размере 2,4 миллиона рублей.

Решением Краснознаменского гарнизонного военного суда от 31 марта 2015 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам 3 окружного военного суда от 29 июня 2015 года, иск Министерства обороны Российской Федерации к Д.В.Батарагину и К.А.Ходулину о возмещении ущерба, причиненного преступлением, удовлетворен частично: с Д.В.Батарагина взысканы денежные средства в размере 1 млн руб., а с К.А.Ходулина – 300 тыс. руб. Принимая такое решение, суды исходили из того, что вина этих лиц в совершении преступления установлена и доказана органом предварительного расследования и что, давая согласие на прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, т.е. по нереабилитирующему основанию, они полностью признали свою вину как в совершении преступления, так и в причинении материального ущерба, а потому должны нести материальную ответственность в полном размере причиненного ущерба; однако с учетом отсутствия у ответчиков умысла на причинение ущерба, их материального положения и нахождения на иждивении Д.В.Батарагина двоих детей размер возмещаемого ущерба подлежит уменьшению. В передаче кассационной жалобы Д.В.Батарагина на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано (определение судьи 3 окружного военного суда от 9 декабря 2015 года).

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения

затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 19 (часть 2), 23 (часть 1), 49, 54 (часть 2) и 55 (части 2 и 3), гражданин Д.В.Батарагин усматривает в том, что они позволяют суду в рамках гражданского судопроизводства делать вывод о виновности военнослужащего в совершении преступления и причинении им ущерба в результате преступных действий при отсутствии приговора суда, которым установлен как сам факт совершения преступления данным лицом, так и его вина.

Таким образом, взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку они служат основанием для решения вопроса о привлечении к полной материальной ответственности военнослужащего в связи с наличием в инкриминируемом ему деянии признаков состава преступления, если уголовное дело в отношении него было прекращено органом предварительного расследования вследствие истечения сроков давности уголовного преследования.

2. Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2);

достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления (статья 21, часть 1); каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1). Возлагая на государство обязанность охранять достоинство личности, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (статья 46, части 1 и 2), устанавливает запрет на лишение лица права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1), а также закрепляет, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1).

Эти права, как следует из статей 17 (часть 1) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не подлежат ограничению, они признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в том числе выраженным во Всеобщей декларации прав человека (статьи 7, 8, 10 и 11), Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), в соответствии с которыми каждый при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; каждый обвиняемый в преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону.

2.1. Статья 118 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского,

административного и уголовного судопроизводства. Тем самым предполагается, что один вид судопроизводства не должен смешиваться с другим и подменять его собой.

Применительно к уголовному судопроизводству, которое призвано обеспечить уголовное преследование лиц, совершивших преступления, и назначение виновным справедливого наказания, а также защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (статья 6 УПК Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2011 года № 16-П пришел к следующим выводам:

осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель – по смыслу статей 19 (части 1 и 2), 45, 46, 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – правомочен как устанавливать ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средства реагирования на те или иные противоправные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения, обеспечивая тем самым дифференциацию уголовной ответственности, восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненного вреда;

из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, конкретизирующей общепризнанный правовой принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), во взаимосвязи с ее статьей 49, закрепляющей принцип презумпции невиновности, следует, что подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной

ответственности, должно устанавливаться только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке;

если же противоправность того или иного деяния или его совершение конкретным лицом не установлены и не доказаны в соответствующих уголовно-процессуальных процедурах, все сомнения должны толковаться в пользу этого лица, которое – применительно к вопросу об уголовной ответственности – считается невиновным. В силу принципов, вытекающих из статей 49 и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, такое деяние не может не только влечь за собой уголовную ответственность и применение иных мер уголовно-правового характера, но и квалифицироваться в процессуальном решении как деяние, содержащее все признаки состава преступления, факт совершения которого конкретным лицом установлен, хотя бы это и было связано с ранее имевшим место в отношении данного лица уголовным преследованием.

2.2. Соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. В качестве одного из таких оснований закон (статья 78 УК Российской Федерации и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации) признает истечение сроков давности уголовного преследования, что обусловлено как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения, так и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 1220-О, от 5 июня 2014 года № 1309-О и др.).

По смыслу части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, действующей в нормативной связи с пунктом 3 части первой его статьи 24, обязательным условием принятия решения о прекращении уголовного дела

на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования является согласие на это подозреваемого или обвиняемого; если лицо возражает против прекращения уголовного дела, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Предоставление лицам, в отношении которых принимается решение о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, права настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании направлено, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, на обеспечение судебной защиты их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства; при этом само по себе решение о прекращении уголовного дела не подменяет приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации; соответственно, принимая решение о прекращении уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование, виновными в совершении преступления либо (что равнозначно) в деянии, содержащем все признаки состава преступления, не признаны, а значит, и не могут быть названы таковыми – в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения (постановления от 28 октября 1996 года № 18-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 14 июля 2011 года № 16-П).

Таким образом, решение о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, принятое органом предварительного расследования, не равнозначно приговору суда ни с точки зрения юридической силы, ни с точки зрения полноты и достоверности фактических обстоятельств. В силу этого в соответствующем акте органа

предварительного расследования не могут быть разрешены те вопросы, которые подлежат разрешению исключительно судом при вынесении приговора, в том числе о возможности признания деяния, инкриминируемого лицу, подвергавшемуся уголовному преследованию, преступлением, а также о виновности этого лица в совершении данного преступления (пункты 3 и 4 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации).

2.3. В случае, когда в результате совершения преступления физическому либо юридическому лицу причинен имущественный вред, вопрос о его возмещении разрешается, как правило, судом, рассматривающим соответствующее уголовное дело, на основании гражданского иска, который может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного дела в суде первой инстанции; в подобных случаях характер и размер вреда, причиненного преступлением, входит в предмет доказывания в рамках производства по уголовному делу, а вопрос о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере, разрешается судом при вынесении приговора (часть вторая статьи 44, пункт 4 части первой статьи 73 и пункт 10 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации).

При прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования лицо, в отношении которого оно осуществлялось, также не освобождается от обязательств по возмещению причиненного им ущерба, – в этом случае, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, не исключается защита потерпевшим своих прав в порядке гражданского судопроизводства, причем не содержит каких-либо ограничений для такой защиты и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации (определения от 16 июля 2009 года № 996-О-О, от 20 октября 2011 года № 1449-О-О, от 28 мая 2013 года № 786-О, от 24 июня 2014 года № 1458-О и др.).

Вместе с тем при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства иска о возмещении ущерба, причиненного

подвергавшимся уголовному преследованию лицом, данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся в решении о прекращении в отношении этого лица уголовного дела на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, могут в силу части первой статьи 67 и части первой статьи 71 ГПК Российской Федерации быть приняты судом в качестве письменных доказательств, которые – наряду с другими имеющимися в деле доказательствами – он обязан оценивать по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании.

Тем не менее данные предварительного расследования не имеют преюдициального значения для гражданского судопроизводства: в соответствии с частью четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации только приговор суда по уголовному делу, вступивший в законную силу, обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого он вынесен, и только по вопросам, имели ли место соответствующие действия и совершены ли они этим лицом. Данный вид судопроизводства – в силу возложенных на него задач, заключающихся в правильном и своевременном рассмотрении и разрешении гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений (статья 2 ГПК Российской Федерации), – не предназначен для установления в действиях (бездействии) лица признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, в том числе в случаях, когда это необходимо для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Соответственно, при рассмотрении гражданского дела о взыскании материального ущерба с лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, суд не вправе давать оценку его действиям (бездействию) как содержащим или не содержащим признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, и, ссылаясь на нашедшие отражение в решении о прекращении уголовного дела фактические обстоятельства, установленные органом предварительного расследования, и на его выводы относительно содеянного этим лицом, высказывать суждение о его виновности в совершении преступления. Иной подход не отвечал бы принципам справедливого правосудия, включая принцип презумпции невиновности, а также приводил бы к ограничению фундаментального права на судебную защиту (статья 46, части 1 и 2; статья 49 Конституции Российской Федерации).

3. По смыслу статьи 59 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 32 (часть 4), 37 и 71 (пункт «м»), военная служба, посредством прохождения которой военнослужащие реализуют право на труд, представляет собой особый вид федеральной государственной службы, непосредственно связанный с защитой Отечества, обеспечением обороны и безопасности государства. Этим обуславливается правовой статус военнослужащих, специфический характер воинской дисциплины, необходимость некоторых ограничений прав и свобод, устанавливаемых федеральным законодательством в отношении военнослужащих.

В соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни; защита государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства,

отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации составляют существо воинского долга, который обязывает военнослужащих, в частности, быть верными Военной присяге, беззаветно служить своему народу, мужественно и умело защищать свое Отечество, строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров, совершенствовать воинское мастерство, содержать в постоянной готовности к применению вооружение и боевую технику, беречь военное имущество (пункт 2 статьи 1; часть первая статьи 26).

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положений федерального законодательства следует, что военнослужащий принимает на себя бремя неукоснительно, в режиме жесткой военной дисциплины выполнять обязанности, обусловленные характером военной службы, в том числе не допускать утраты имущества, закрепленного за воинскими частями, нести особую материальную ответственность, возмещающую ущерб, причиненный им этому имуществу умышленно или по неосторожности при исполнении обязанностей военной службы (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2001 года № 5-П).

Соответственно, федеральный законодатель в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий вправе определять основания и содержание материальной ответственности военнослужащих, а также процессуальный порядок ее реализации, соблюдая при этом как общие принципы юридической ответственности, так и гарантии судебной защиты и не допуская подмены одного вида судопроизводства другим.

3.1. Условия и размеры материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, порядок возмещения такого ущерба

предусмотрены Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих».

Названный Федеральный закон, возлагая на военнослужащих материальную ответственность в размере причиненного ими ущерба, устанавливает предел соответствующего возмещения, который, по общему правилу, для причинивших ущерб по неосторожности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, составляет не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет, а в отдельных случаях – не более двух окладов месячного денежного содержания и двух месячных надбавок за выслугу лет (пункты 1 и 2 статьи 4); в случаях же, предусмотренных его статьей 5, военнослужащие несут полную материальную ответственность, в частности, за ущерб, причиненный в результате действий (бездействия) военнослужащего, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (причем безотносительно к форме вины), а также за ущерб вследствие хищения, умышленных уничтожения, повреждения, порчи, незаконных расходования или использования имущества либо иных умышленных действий (бездействия) независимо от того, содержат ли они признаки состава преступления (абзацы третий и четвертый); при этом военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб, а привлечение к материальной ответственности возможно лишь в течение трех лет со дня обнаружения ущерба (пункты 1 и 4 статьи 3).

Использование дифференцированного подхода к определению размеров материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы, в том числе с учетом характера и степени общественной опасности действий (бездействия), повлекших за собой причинение ущерба, и формы вины военнослужащего в их совершении, не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя и само по себе не может

рассматриваться как не согласующееся с конституционными предписаниями. Закрепляя в качестве одного из оснований для привлечения военнослужащих к полной материальной ответственности причинение ими ущерба при совершении действий (бездействия), содержащих признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, федеральный законодатель был вправе не только исходить из специфики военной службы, характера воинской дисциплины и обусловленных этим особого рода публично-правовых по своему существу обязанностей военнослужащего, скрепленных Военной присягой (в данном случае – обязанности сохранять закрепленное за воинскими частями имущество, находящееся в федеральной собственности, т.е. обязанности, которая непосредственно связана с необходимостью обеспечения обороны страны и безопасности государства), но и принимать во внимание наибольшую степень общественной опасности преступлений по сравнению с остальными видами правонарушений.

Вместе с тем в целях соблюдения имущественных прав военнослужащего, возникающих в связи с получением им денежного вознаграждения за службу, а также обеспечения справедливого баланса между правами военнослужащего и правомерными интересами общества и государства в Федеральном законе «О материальной ответственности военнослужащих» предусмотрен и различный порядок привлечения военнослужащего к материальной ответственности – в зависимости от размера причиненного ущерба и его соотношения с размерами оклада месячного денежного содержания военнослужащего и месячной надбавки за выслугу лет: так, возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет, производится по приказу командира (начальника) воинской части, издаваемому в двухнедельный срок со дня окончания административного расследования или принятия соответствующим командиром (начальником) решения по результатам

рассмотрения материалов о дисциплинарном проступке либо поступления решения суда или материалов ревизии, проверки, дознания, следствия; в отношении командира (начальника) воинской части приказ о возмещении ущерба вправе издать вышестоящий в порядке подчиненности командир (начальник) воинской части; при пропуске указанного срока, а также в случаях, когда размер подлежащего возмещению ущерба превышает один оклад месячного денежного содержания военнослужащего и одну месячную надбавку за выслугу лет, привлечение военнослужащего к материальной ответственности осуществляется в судебном порядке по иску командира (начальника) воинской части (вышестоящего в порядке подчиненности командира (начальника) воинской части) (пункты 1 и 2 статьи 8).

Учитывая, что в силу пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» материальная ответственность военнослужащего наступает независимо от привлечения его к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действия (бездействие), которыми причинен ущерб, поскольку преследует самостоятельную цель – возмещение соответствующего ущерба, привлечению к материальной ответственности должно предшествовать установление в надлежащей юридической процедуре причин и способа причинения ущерба, его размера и виновных лиц. Такой процедурой, как следует из названного Федерального закона, является, по общему правилу, назначаемое командиром (начальником) воинской части административное расследование, которое должно быть завершено в месячный срок со дня обнаружения ущерба; данный срок может быть продлен в необходимых случаях вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части; при этом административное расследование может не проводиться, если причины ущерба, его размер и виновные лица установлены судом, в ходе разбирательства по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка либо в результате ревизии, проверки, дознания или следствия (пункты 1 и 2 статьи 7).

Возложение на военнослужащего обязанности возместить причиненный ущерб во всяком случае предполагает установление юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для его привлечения к тому или иному виду материальной ответственности (ограниченной либо полной), включая характер действий (бездействия) военнослужащего, наличие и форму его вины, причинную связь между его действиями (бездействием) и наступлением ущерба и др. При этом, если возможность привлечения к полной материальной ответственности по конкретному основанию, предусмотренному законом, связывается с наличием в действиях (бездействии) военнослужащего, которыми причинен ущерб, признаков состава того или иного вида правонарушения, установление соответствующих признаков должно осуществляться исключительно в рамках предназначенных для этого юридических процедур.

Следовательно, для привлечения военнослужащего к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», наличие в совершенном им деянии признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, должно быть установлено и доказано в надлежащих уголовно-процессуальных процедурах.

3.2. По смыслу пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» во взаимосвязи с положениями части второй статьи 44, пункта 4 части первой статьи 73 и пункта 10 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации, привлечение военнослужащего, преступными действиями (бездействием) которого был причинен ущерб имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 названного Федерального закона, осуществляется, по общему правилу, в рамках производства по уголовному делу на основании гражданского иска,

предъявленного командиром (начальником) воинской части до окончания судебного следствия при разбирательстве данного дела в суде первой инстанции; в случае причинения ущерба командиром (начальником) воинской части такой иск предъявляется вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части.

Если же гражданский иск не был предъявлен своевременно, однако наличие в совершенном военнотружущим деянии, вследствие которого им был причинен материальный ущерб, признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, установлено приговором суда, вступившим в законную силу, привлечение военнотружущего к полной материальной ответственности по указанному основанию возможно – исходя из размера ущерба и его соотношения с размерами оклада месячного денежного содержания военнотружущего и месячной надбавки за выслугу лет, а также периода, прошедшего с момента поступления командиру (начальнику) воинской части приговора суда, – во внесудебном порядке, путем издания приказа командиром (начальником) воинской части (вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части) либо по иску данного должностного лица, подлежащему рассмотрению судом общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства. При этом для суда, рассматривающего соответствующее дело, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу в отношении лица, преступными действиями (бездействием) которого был причинен материальный ущерб, обязателен по вопросам, имели ли место эти действия (бездействие) и совершены ли они данным лицом.

Таким образом, привлечение военнотружущего, действиями (бездействием) которого был причинен ущерб имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 Федерального закона «О материальной

ответственности военнослужащих», предполагает наличие вступившего в законную силу приговора суда, которым в совершенном военнослужащим деянии установлены признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации.

Аналогичный подход прослеживается и в трудовом законодательстве: для привлечения работника к полной материальной ответственности по пункту 5 части первой статьи 243 Трудового кодекса Российской Федерации, т.е. за причинение ущерба в результате преступных действий, обязательным условием является наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора суда (пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю»). Приведенное правовое регулирование распространяется также на отношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел (часть 6 статьи 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Отсутствие же вступившего в законную силу обвинительного приговора ввиду прекращения в ходе предварительного расследования или в суде уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования либо вынесение судом оправдательного приговора само по себе не является препятствием для принятия командиром (начальником) воинской части или судом в пределах срока привлечения к материальной ответственности решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба при условии установления в надлежащей процедуре (административное расследование, судебное производство, разбирательство по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка, ревизия, проверка, дознание или следствие) юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к

ограниченной либо – при наличии иных предусмотренных статьей 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» оснований – полной материальной ответственности, включая вину военнослужащего в причинении ущерба, а при совместном причинении ущерба несколькими лицами – степень вины каждого из них.

Однако при принятии решения о взыскании материального ущерба с военнослужащего, уголовное дело в отношении которого было прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, как командир (начальник) воинской части (вышестоящий в порядке подчиненности командир (начальник) воинской части), так и суд во всяком случае не вправе давать оценку действиям (бездействию) этого лица как содержащим или не содержащим признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, и, ссылаясь на установленные органом предварительного расследования фактические обстоятельства, а также на его выводы относительно содеянного данным лицом, нашедшие отражение в решении о прекращении уголовного дела, высказывать суждение о его виновности в совершении соответствующего преступления.

Соответственно, суд, рассматривающий в порядке гражданского судопроизводства иск командира (начальника) воинской части (вышестоящего командира (начальника) воинской части) о возмещении причиненного военнослужащим материального ущерба, а равно в порядке административного судопроизводства административный иск военнослужащего об оспаривании решения командира (начальника) воинской части о привлечении его к материальной ответственности, во всяком случае не правомочен квалифицировать деяние военнослужащего как содержащее признаки состава преступления, поскольку – по смыслу статьи 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации – это допустимо только в уголовном судопроизводстве, что само по себе не исключает возможность использования в целях разрешения соответствующего дела данных

предварительного расследования, содержащихся в решении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в качестве письменных доказательств, которые суд обязан оценивать наравне со всеми иными доказательствами по своему внутреннему убеждению.

Таким образом, взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» соответствуют Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения им преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию, в пределах определенного пунктом 4 статьи 3 данного Федерального закона срока, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо – при наличии иных перечисленных в его статье 5 оснований – в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

4. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в том числе в постановлениях от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 8 ноября 2012 года № 25-П, в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений; хотя механизм действия закона должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений прежде всего из содержания конкретного

нормативного положения или системы находящихся во взаимосвязи нормативных положений, не исключаются случаи, когда необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, целью которого является устранение неопределенности нормы применительно к конкретной сфере общественных отношений; в тех случаях, когда в судебной практике допускается придание тем или иным законоположениям нормативно-правового смысла, влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникает вопрос о соответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации, который подлежит разрешению Конституционным Судом Российской Федерации, с тем чтобы исключить их применение и истолкование в значении, противоречащем конституционным нормам.

Материалы, представленные в Конституционный Суд Российской Федерации Д.В.Батарагиным, свидетельствуют о том, что при рассмотрении гражданского дела о взыскании с него материального ущерба суд истолковал положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» как позволяющие устанавливать наличие в действиях (бездействии) военнослужащего признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, на основании решения органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Тем самым, несмотря на прекращение дальнейшего доказывания виновности заявителя, от уголовного преследования которого государство отказалось в связи с истечением сроков давности, суд в рамках гражданского судопроизводства, по сути, подтвердил вывод органа предварительного расследования о совершении им деяния, содержащего признаки состава преступления. В результате заявитель без вынесения в рамках уголовного судопроизводства обвинительного приговора суда фактически был признан виновным в

совершении преступления в процедуре гражданского судопроизводства и в силу этого – обязанным возместить причиненный совершенным деянием материальный ущерб в полном объеме.

Между тем истолкование названных законоположений в качестве допускающих возможность привлечения военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный его действиями (бездействием) как содержащими признаки состава преступления, – притом что уголовное дело в отношении данного военнослужащего прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а наличие в действиях (бездействии) этого лица признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, установлено судом в рамках гражданского судопроизводства на основании данных предварительного расследования – не согласуется с конституционным требованием обеспечения прав, вытекающих из презумпции невиновности, и приводит к нарушению гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49 (часть 1), 55 (часть 3) и 118 (часть 2).

Кроме того, привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абзацем третьим статьи 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», в связи с установлением в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, судом в рамках гражданского судопроизводства, а равно иными органами и должностными лицами не может быть оправдано ни особым характером военной службы и обусловленной им спецификой правового статуса военнослужащих, ни повышенными требованиями к обеспечению сохранности военного имущества и создает предпосылки для нарушения в отношении данной категории граждан конституционного принципа равенства всех перед законом и судом и равноправия (статья 19, части 1 и 2,

Конституции Российской Федерации) при реализации права на судебную защиту, неременной составляющей которого является право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Таким образом, взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49 (часть 1), 55 (часть 3) и 118 (часть 2), в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – допускают возможность привлечения военнослужащего, уголовное дело в отношении которого прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым – фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением, включая постановление суда, принятое в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, внести надлежащие изменения в действующее нормативное регулирование порядка привлечения военнослужащих к полной материальной

ответственности, с тем чтобы исключить возможность установления в их действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, вне рамок уголовного судопроизводства.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный им имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию в пределах срока, определенного пунктом 4 статьи 3 данного Федерального закона, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо – при наличии иных перечисленных в его статье 5 оснований – в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

2. Признать взаимосвязанные положения абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности

военнослужащих» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 49 (часть 1), 55 (часть 3) и 118 (часть 2), в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – допускают возможность привлечения военнослужащего, уголовное дело в отношении которого прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым – фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением, включая постановление суда, принятое в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Батарагина Дмитрия Викторовича, основанные на положениях абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в той мере, в какой эти положения признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

№ 22-П

Конституционный Суд
Российской Федерации